

ПСИХОЛОГИЯ МАССОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

ДИНАМИКА МОРАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
РОССИЙСКОЙ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ (1989-2017)*

© 2017 г. М.И. Воловикова

*Доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории психологии личности, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии РАН; 129366, Москва, ул. Ярославская, дом 13, корп.1; e-mail: margarita-volovikova@ya.ru

Поступила в редакцию 22 сентября 2017 г.

Аннотация. Представлены результаты эмпирического исследования динамики морально-правовых представлений российской учащейся молодежи в период с 1989 по 2017 годы. Цель исследования состояла в выявлении особенностей правовой социализации учащейся молодежи в современной России. Сравнение данных, полученных с применением методики Тапп в четырех эмпирических «срезах» с интервалами в несколько лет (1989, 1993-1994 гг., 2001-2002 и 2017 гг.), позволило наблюдать динамику изменения морально-правовых представлений молодежи почти за 30 лет, в течение которых произошли: распад государства СССР, смена общественного строя, болезненное становление новой России. *Выборку* составили 300 студентов из Курска, Москвы, Смоленска и Чебоксар. Сделан вывод о достоверных различиях между ответами студентов в 1989 и в 2017 гг. Незнание своих конституционных прав и доверие советскому государству в конце советского периода сменилось в наше время тревогой, потребностью в защите и стремлением к сохранению законов (при таком же их незнании, как и в советский период). Результаты по исследовательским срезам начала 1990-х и начала 2000-х говорят о столкновениях, иногда болезненных, с фактами влияния закона или его неисполнения на повседневную жизнь граждан и об устойчивом сохранении ориентации респондентов на нравственный закон.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, проект № 14-18-03271.

Исследования на молодежных выборках позволяют строить прогнозы будущих изменений соотношения правового и морального сознания граждан.

Ключевые слова: социальная психология, мораль, право, закон, совесть, российский менталитет, православие, правовое сознание, представления, исторические предпосылки, динамика, советский период, молодежь

ВВЕДЕНИЕ

Юридический закон является одной из важнейших ценностей и достижений западной цивилизации. Закон, исторически основанный на римском праве, обеспечивает общественный порядок. Применение закона не должно зависеть от материального или общественного статуса гражданина: перед законом все равны.

Об особом отношении к закону косвенно свидетельствуют, например, требования о легализации однополых браков (и других недопустимых в моральном отношении явлений). И дело здесь не только в уменьшении налога на членов семьи (хотя и это тоже), а в потребности «быть правым» перед законом. Скорее всего, на Западе закон давно уже встал *над* моралью.

Иная ситуация в России. Неоднократно отмечалось, что для российского менталитета характерно особое внимание к нравственным проблемам (Российский менталитет..., 1997, Воловикова, 2005; Кольцова, Журавлев, 2017). Здесь Россия может сказать новое слово в понимании правосознания, основанном на соблюдении не только юридического, но и нравственного закона, хотя при этом в России имеется множество проблем. Характеризуя нравственное состояние современного российского общества, А.В. Юревич говорит о кризисе морали, даже об «испарении морали», затрагивающем, в том числе, бизнес- и политическую элиту (Юревич, 2014, с. 61).

Исторические предпосылки развития российского правосознания

Начать изучение можно с любого момента сложной российской истории, но для нашего анализа достаточно остановиться на второй половине XIX века, когда после реформ Александра II в Российской Империи активно начали зарождаться предпосылки для развития творческого правосознания граждан, принадлежащих ко всем сословиям. Выступления таких выдающихся правоведов конца XIX начала XX в., как Ф.Н. Плевако, А.Ф. Кони и др., получали широкий общественный резонанс. Юридические законы и право становились предметом внимания, материалом интерпретаций и построения суждений. Практика участия представителей разных сословий в судах присяжных заседателей (новшество, введенное в российский суд) не только говорила о готовности граждан грамотно оценивать виновность или невиновность подсудимых, но и служила общему росту юридической грамотности граждан. Перед революцией 1917 г. Россия была одним из немногих государств, в которых отменили смертную казнь.

Известно об исторически сложившемся недоверчивом отношении русских людей к юридическому закону. Однако повседневная практика обращения народа к правовым вопросам впоследствии могла бы стать основой для развития отечественной системы правосознания, возможно, отличающейся своим позитивным содержанием от хорошо отлаженной, но, как правило, формализованной западной системы. Так, М.М. Громыко отмечает, что творчество в области обычного права было у крестьян делом повседневным: «В повседневной жизни общин при составлении челобитных, мирских приговоров, доверенностей ссылались на различные положения письменного законодательства» (Громыко, 1991, с. 240). Она также отмечает, что некоторые черты внутренней политики способствовали укреплению в крестьянской среде представлений о возможности апелляции к центральной власти при несправедливости местных правителей (там же, с. 242). Среди понятий, которыми умели пользоваться крестьяне в «наказах», были «общее благо»,

«всенародная польза», «обоюдная выгода». Они считали, что законы должны гарантировать возможность для каждого пользоваться плодами своих трудов.

Однако юридический закон во многом оставался внешним для крестьян, поскольку их повседневная жизнь регулировалась общиной (подробнее см.: *Историогенез ...*, 2016). В ней «внутренний закон» был прописан по всем важным моментам общественного существования: разрешение конфликтных ситуаций, наказание обижающих, восстановление справедливости, поддержка немощных. В основе решений лежали нравственные принципы: доброта, милосердие, защита слабых, поддержание мира и порядка. Из материалов Этнографического бюро князя Тенишева видно, что если у крестьянина-нарушителя была возможность выбрать, от кого он должен принять наказание, то он предпочитал иметь дело с общиной, а не с государством, хотя в первом случае наказать его могли сильнее (РЭМ, фонд 7).

В целом можно сказать, что юридический закон не успел стать основой правосознания простого народа, несмотря на имевшиеся для этого предпосылки. После реформы 1861 г., в связи со сложной перестройкой земельных отношений, обращение крестьянства к государственному законодательству расширяется. «Одновременно у многих представителей чиновной и научной интеллигенции крепнет убеждение в необходимости изучения обычного права для постепенного, осторожного слияния крестьянских юридических обычаев с государственным законодательством» (Громыко, 1991, с. 244). Так, при Географическом обществе в Санкт-Петербурге была создана комиссия по изучению народных юридических обычаев, и в ее работе принимал участие П.П. Семенов-Тянь-Шанский.

Видные ученые и общественные деятели, изучавшие формы общинного землевладения, предупреждали, что резкое вмешательство закона в строй хозяйственной жизни русского народа стало бы пагубным. Православие, являющееся для русских и основой самоидентификации себя как единого народа, и фундаментом нравственного мировоззрения (Громыко, 1991;

«Русские», 1997), определило специфику отечественного правосознания. Русским всегда было присуще, например, отрицательное отношение к мести и жалость к осужденным.

В своем исследовании социально-психологических проблем в русской науке Е.А. Будилова большое внимание уделила историко-психологическому аспекту социально-психологических вопросов в юридической науке. Она отмечает: «В первые пореформенные десятилетия в России нарождается юридическая психология как отрасль психологической науки, утверждавшаяся на стыке психологии и права» (Будилова, 1983, с. 50). Ее подробнейший анализ посвящен именно судам присяжных – теме, вызвавшей во второй половине XIX века поток серьезных публикаций. Так, Л.Е. Владимиров расценивал суд присяжных как выражение общественного мнения. Институт присяжных, полагал он, действует по принципу народного суда, следуя чувству нравственной обязанности «творить суд нелицеприятный, на пользу общества, во имя правды, для поддержания в обществе нравственности» (цит. по: Будилова, 1983, с. 53). Отмечалось, что подсудимые, совершившие преступление, сурово каравшееся по закону, оправдывались присяжными. «Преступления, получившие название преступлений против системы, обычно не вызывали обвинительного приговора» (там же, с. 60). Судами присяжных оправдывалось и лицо, совершившее кражу, «в тех случаях, когда выяснялись крайность его положения и отсутствие средств к жизни» (там же).

Революция и последующие события намного задержали процесс становления развитого правосознания граждан. Юридические права нарушались десятилетиями. Но русские мыслители, даже изгнанные из родной страны, продолжали служить ей своим творчеством.

Картина гармоничного правосознания воссоздается в работах И.А. Ильина. В 1948 г. он, думая о будущем своей родины, победившей в Великой Отечественной войне, написал: «России необходимо *новое правосознание*, национальное по своим корням, христиански-православное по своему духу и

творчески-содержательное по своей цели» (Ильин, 1992, с. 443). В построении такого нового правосознания Ильин видел путь возрождения страны. Из его работ четко выступает образ человека *как субъекта правового и нравственного сознания*, когда правосознание сравнивается с легкими, которыми «каждый из нас вдыхает и выдыхает атмосферу взаимного общения» (Ильин, 1993, с. 251). Ильин называл правосознание *творческим источником права, живым органом правопорядка и политической жизни*. Он писал о том, что людей без правосознания не бывает, но у многих оно одичало и приняло уродливые формы. Однако любое, даже такое неразвитое правосознание имеет значение в жизни страны.

Мысли Ильина глубоко *психологичны* (см.: Гостев, Борисова, 2012; Борисова, 2017). Он писал: «Творческий источник права пребывает во *внутреннем* мире человека; и действовать в жизни право может только благодаря тому, что оно обращается к *внутреннему* миру человека, а именно к тем слоям души, в которых слагаются мотивы человеческого поведения и, сложившись, порождают живой поступок человека» (Ильин, 1993, с. 252).

Без субъекта законы остаются внешней силой, способной воздействовать только путем принуждения и репрессивных мер, причем, по мысли Ильина, закон своим специфическим образом должен преломиться в сознании и судьи, и исполнителя, и самого гражданина. «В качестве рядового подчиненного гражданина он должен принять закон в свое правосознание и включить приказы, запреты и позволения, содержащиеся в законе, в процесс мотивации своего поведения» (там же, с. 152). Закон не всегда совершенен и справедлив, однако пока он не отменен, то должен применяться и соблюдаться по римской формуле «*суров закон, но он закон*», поскольку это единственное средство для поддержания в стране правопорядка, не зависящего от произвола и случайностей. Трагедией для жизни любого государства оказывается неразвитое правосознание его граждан.

Психологические исследования особенностей правосознания в современной России

Специфика российского правосознания особенно ярко проявляется при проведении кросс-культурных исследований. Так, в работе А.Н. Славской (Славская, 2004), посвященной анализу данных, полученных в России в рамках международного проекта Женевского центра (в котором приняли участие представители 35 стран Западной и Восточной Европы, а также Африки и Южной Америки) по выявлению отношения к Декларации прав человека, делается вывод о существенном отличии понимания правовых отношений нашими гражданами по сравнению с аналогичным пониманием представителями других стран. Автор отмечает: «Самый существенный результат исследования – выявление феномена непризнания личности, правовой незащищенности ее жизни, осознание несправедливости и множества несоответствий, декларируемых правами» (Славская, 2004, с. 19). Есть и другие отличия, которые говорят о сохранении ценностей, воспитанных в советский период: так, в российском общественном сознании сохранилась ценность свободы для всех народов мира, а не для себя (там же, с. 17).

Моральным и правовым проблемам современного российского общества посвящен цикл работ, подготовленных в Институте психологии РАН (Психологические исследования духовно-нравственных ..., 2011; Нравственность современного российского ..., 2012; Психологические исследования нравственности, 2013; Юревич, Журавлев, 2010 и др.).

Разработанная Е.Ю. Стрижовым методика определения нравственно-правовой надежности личности была апробирована и опубликована (Стрижов, 2009).

Исследование особенностей правовой социализации в российском менталитете было начато нами совместно с О.П. Николаевой в 1989 г. и продолжено в последующие годы. Несколько полученных исследовательских

«срезов» позволяют приблизиться к пониманию *динамики* представлений о морали и праве в постсоветский период.

Исследование динамики морально-правовых представлений российской молодежи с конца советского периода до настоящего времени

В 1989 году в СССР приехала коллега и ученица Л. Колберга Джейн Тапп в надежде включить нашу страну в исследования проблем, связанных с идеологией, в частности, в свою кросс-культурную программу, в которой уже были задействованы респонденты из Японии, Греции, Дании, Индии, Италии и США. А.В. Брушлинский, в то время избранный директором на общем собрании научного состава Института психологии АН СССР, встретился с Тапп и одобрил наше участие в исследовании, результаты которого легли в основу кандидатской диссертации О.П. Николаевой (Николаева, 1992).

На всех этапах применялась методика Дж. Тапп (Tapp, 1987), которая была построена в виде клинического интервью и содержала следующие вопросы:

1. Что такое правило (поведения)? 1а. Почему именно оно называется правилом? 2. Что такое закон? 2а. Почему это является законом? 3. Зачем нам законы? 4. Может ли быть справедливым и правильным что-либо даже в том случае, если это не отражено в законе? 4а. Как это может быть? 5. Что такое справедливый закон? 5а. Почему именно он справедлив? 6. Что такое право? 7. Какие права следует иметь людям? 7а. Почему? 8. Какие права люди имеют? 9. Что бы случилось, если бы не существовало законов? 10. Почему люди должны следовать законам? 11. Почему вы следуете законам? 12. В каком случае могут быть изменены законы? 13. Могут ли быть случаи, когда было бы правильно нарушить закон? 13а. Если да, то какие это случаи? 14. Что означает выражение «быть правым»? 15. Может ли человек нарушить закон и быть правым? 15а. Если да, то как это может быть?

Рассматривая варианты ответов на вопросы анкеты и объясняя принципы диагностики правосознания, Тапп приводит следующие примеры. Так, при

ответе на вопрос 9 («Что бы случилось, если бы не существовало законов?») аргументация о необходимости наказания преступника как гарантии физической безопасности граждан позволяет интерпретировать такой ответ, как относящийся к доконвенциональному уровню развития правового сознания. Предположение о наступлении анархии, хаоса и беспорядка в обществе, не регулируемом юридическим законом, трактуется как ответ второго, конвенционального уровня. Если ответ строится на утверждении, что члены социума должны руководствоваться в своем поведении принципами, причем проводится различие юридического закона и моральных принципов, то такой ответ квалифицируется как относящийся к третьему, постконвенциональному уровню развития правового сознания. При ответе на вопросы 13 и 15 («Могут ли быть случаи, когда было бы правильно нарушить закон?», «Может ли человек нарушить закон и быть правым?») простое «да» без аргументации и «нет» с аргументацией (закон неизменен; в своем постоянстве он подобен физическим законам), а также утверждение, что между юридическим законом и законами морали нет различий, позволяют отнести ответы к первому, доконвенциональному уровню. Ответы «да» с аргументацией: законы хороши не на все случаи жизни, так как связаны с жестокостью или составлены жестокими людьми, однако чрезвычайные обстоятельства могут оправдать нарушение закона, позволяют диагностировать правосознание ответившего человека как находящееся на втором, конвенциональном уровне. Третий, постконвенциональный уровень отличают ответы «да» с аргументацией, связанной с общественной пользой, разумными целями, возможностями законотворчества. На самом высоком уровне находятся те, кто оправдывает нарушение закона, если тот безнравственен или несправедлив и нарушает моральные принципы, например, права человека.

Теоретическим основанием диагностики развития правосознания явилась *концепция морального развития* Л. Колберга (Kohlberg, 1976), в которой следование высшим этическим принципам – это самая совершенная стадия

развития морали. Только в случае, если закон противоречит принципам справедливости и равенства, человек имеет право действовать в согласии с принципами, а не с законом.

Конкретизация этих уровней и стадий применительно к правовому сознанию выглядит (Тарп, 1987) следующим образом. На *первом* уровне находятся те, кто утверждает: законы предупреждают преступность, обеспечивают физическую безопасность граждан; им следуют, подчиняясь авторитету власти или во избежание наказания. Ко *второму* относятся те, кто утверждает, что законы служат поддержанию общественного порядка. Закон, даже если он несправедлив, необходимо выполнять вплоть до его отмены конституционным путем. Законы нужно исполнять, чтобы избежать хаоса и анархии. *Третий* уровень – «уровень законотворчества». Те, кто достигает его, осознают различие между ценностями социального порядка и общечеловеческой этикой, между конкретными законами и принципами справедливости. Юридические законы выступают как выражение внутренних моральных принципов.

Тапп провела эмпирическое изучение особенностей правовой социализации в разных странах и культурах, опираясь на теорию стадий и уровней развития морального сознания Колберга (Kohlberg, 1976; Тарп, 1987; Тарп, Kohlberg, 1977). С помощью методики, разработанной Тапп, в конце 1980-х годов ею были получены данные о специфических особенностях представлений о юридическом законе и праве в США, Индии, Японии, Италии, Греции и Дании. Исследование, выполненное под нашим руководством с применением той же методики (Николаева, 1992), обнаружило специфичность моральной и правовой социализации в российском обществе (конец 1980-х годов). В отличие от западных стран, где моральная и правовая социализация происходит в основном через подражание принятым в обществе нормам и законам, у нас в этом процессе наблюдается либо «застревание» на начальной стадии морального и правового развития, когда послушание обеспечивается с

помощью страха наказания, либо обращение к высшему, по Колбергу и Тапп (Tapp, Kohlberg, 1977), уровню морально-правового развития, опирающемуся на высшие этические принципы и совесть.

Эта методика нами была дополнена применением микросемантического анализа (Брушлинский, 1976) высказываний, что позволило выявить случаи, когда закон в процессе суждений выступает либо как *психологическая переменная*, либо как константное, неизменное основание при построении мысленных допущений. При этом мы исходили из теоретических положений концепции С. Л. Рубинштейна о роли внутренних условий (сознания, совести) в нравственном развитии человека (Рубинштейн, 1998).

Применение микросемантического анализа позволило выявить новые возможности методики Тапп, состоящие в вычленении альтернативы: как можно *нарушить закон* и при этом *быть правым*. При проведении исследования мы предполагали рассмотреть пути разрешения данной альтернативы в суждениях респондентов. Таким образом, одной из целей нашей работы было раскрытие конкретных проявлений возможных противоречий между личностно значимыми и социально значимыми представлениями (Абульханова, 2002).

Сравнение данных, полученных с применением методики Тапп в четырех эмпирических «срезах» с интервалами в несколько лет (1989, 1993–1994 гг., 2001–2002 и 2017 гг.), позволило наблюдать динамику изменения морально-правовых представлений у российской учащейся молодежи за период в 28 лет, в течение которых произошли: распад государства СССР, смена общественного строя, болезненное становление новой России.

Выборку составили 300 студентов из Курска, Москвы, Смоленска и Чебоксар.

На первом этапе сбора эмпирических данных в 1989 г. 100 студентов Курского пединститута *анонимно* и *в письменной* форме ответили на вопросы анкеты. Анонимность в конце 1980-х годов была необходимым условием

получения искренних ответов по теме, связанной с юридическими правами граждан.

В 1993-1994 гг. мы провели новый этап исследования. На вопросы анкеты ответили 60 студентов из Москвы и Смоленска. Среди них была организована группа доверительного общения, где ответы давались *устно* в процессе клинической беседы (отметим, что в этом случае аргументация была более развернутой, высказывания - более откровенными) (Воловикова, Гренкова, Морскова, 1996).

В 2001-2002 гг. проведен следующий этап исследования, в котором участвовали 100 представителей молодежи из Москвы.

В 2017 г. на вопросы анкеты ответили 40 студентов из Чебоксар.

Выборки начала 1990-х и 2017 гг. явно недостаточны (о требованиях см.: Социальная психология, 2002; и др.), однако записи результатов доверительного общения с молодыми людьми периода ломки привычных социальных, экономических и правовых отношений в новой, постсоветской России представляют особый интерес для психологического анализа. Исследование 2017 г. можно пока рассматривать как пилотаж (о допустимости и нормах такого рода исследований см. подробнее: Психология 2000; Соснин и до., 2014; и др.). Оно нуждается в продолжении, однако позволяет выявить некоторые тенденции современного отношения к морали и праву.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Полученные на всех этапах исследования ответы подвергались традиционному для данной методики анализу (т.е. определению уровня морально-правового развития по Колбергу и Тапп), а также контент-анализу и микросемантическому анализу. На первом этапе исследования остановимся более подробно.

Если для западного правосознания закон является реальной, действенной силой и тема, связанная с юридическим законом, обсуждается с интересом, то

иная картина наблюдается у нас на протяжении нескольких десятилетий. Закон в сознании прочно связан с несовершенством в его применении, со слабой надеждой на справедливость, когда сама тема правопорядка для многих соотечественников зачастую связана с травмирующими переживаниями, поэтому обсуждается она неохотно.

Есть и объективная сторона, о которой говорит Ю.Т. Лисица в предисловии к одной из работ И.А. Ильина: «В нашей стране отсутствует правовая грамотность, нет популярных курсов (должны бы читаться в школах и вузах России) с объяснениями основных вопросов правоведения. Поэтому такие понятия, как "право", "суверенитет", "государство", "гражданское общество", "власть" и т. п. понимаются многими весьма туманно и неопределенно» (Ильин, 1996, с. 10). Несмотря на происходящие изменения в социальной и общественной жизни страны (см., например: Доверие и недоверие..., 2013; Россия ..., 2007; Современная социальная реальность ..., 2014; и др.), это наблюдение оказалось справедливым для всех этапов исследования.

В самом конце 1980-х годов отмечалась большая скованность в ответах на вопросы о праве, объяснения были с большим количеством *советских* речевых штампов: «ради интересов народа», «ради общего дела», «права человека закреплены Конституцией» и т. п. Говорилось о воспитательной функции закона (ни разу не упомянутой, по данным кросс-культурного исследования Тапп, студентами из других стран). Единственная по-настоящему искренняя тема 1980-х – это исполнение закона в равной мере по отношению ко всем гражданам. Суммарно она представлена в 18% ответов, тогда как ни в одной стране, где проводила исследование Тапп, не было подобных ответов о необходимости равенства всех перед законом (Тарр, 1987).

Многое помогли разъяснить искренние ответы респондентов, полученные нами в 1993-94 гг. в доверительно организованном общении. Так же, как и для наших соотечественников конца 1980-х, тема законности оказалась одной из самых болезненных; вырисовывалась картина слабой работы сознания над

осмыслением законов, норм и правил поведения. При этом почти 90% респондентов при построении суждений использовали закон в качестве психологической переменной: они делали допущение, что можно нарушить закон и при этом чувствовать свою правоту («быть правым»).

Таким образом, если исходить из уровневой концепции Колберга и Тапп, большинство наших соотечественников по вопросу о *нарушении закона* можно квалифицировать как находящихся на третьем уровне морального развития. Однако ответы на другие вопросы позволят диагностировать второй или даже первый уровни. В результате анализа ответов московских студентов в группе доверительного общения выявлены случаи эмоциональных взрывов: *«во-первых, смотря какому (закону следовать – М.В.), а во-вторых, я еще не полная идиотка, чтобы забывать о себе как о человеке»* (ж., 22 г.); пример из мужской выборки: *«Я стараюсь выполнять те законы, которые удобны мне и другим людям, а если эти законы не удобны мне и другим людям, то я на них плюю и плевать буду»* (м., 24 г.). Т.е. кроме указанного Колбергом доконвенционального уровня, существует и уровень *«до-доконвенциональный»*. Это те случаи осознанного отрицания закона. Респонденты 1990-х говорили о необходимости солгать на суде, чтобы человека не засудили, о необходимости нарушения финансового закона, чтобы не разориться⁷.

Если респонденты Тапп утверждали, что сами они следуют закону по аргументам более высокого порядка, чем *другие люди*, то на российской выборке на всех этапах такое приукрашивание себя как «юридического лица» наблюдалось реже, и это естественное следствие из отсутствия отношения к закону как к *ценности* (см. табл. 1).

---

⁷ Отметим также данные, полученные в современном исследовании Д.А. Китовой: для возможности правовых условий обогащения, по представлениям старшеклассников, «надо изменить законы или хотя бы заставить работать имеющиеся» (Китова, 2016, с. 160).

Новое, что мы смогли заметить в начале 2000-х, состоит в осознании некоторыми молодыми соотечественниками того факта, что с юридическим законом они знакомы слабо. С другой стороны, приходит понимание жизненной необходимости соблюдения закона: «С законами – беспредел, а без законов – даже страшно подумать» (ж., 22 г.).

Таблица 1. Распределение ответов на российской выборке 2001-2002 гг. на вопросах о причинах следования закону (в %).

Уровень, которым можно диагностировать ответ	Вопрос 10 («Почему люди должны следовать законам?»)	Вопрос 11 («Почему Вы следуете законам?»)
I из-за страха наказания	27	16
II конформность	28	35
III по этическим причинам	52	44
0 - «не нужно следовать»	3	5

Сравнение некоторых результатов, полученных по методике Тапп в других странах (1986-1987 гг.) и в России (1989г. и 2001-2002 гг.), можно проиллюстрировать с помощью табл. 2.

Таблица 2 Распределение ответов на вопрос 10 («Почему люди должны следовать законам?») (в%).

Уровни / страны	Япония	Греция	Дания	Индия	Италия	США	Россия 1989 г.	Россия 2001-2002 гг.
1. Из-за страха наказания	17	17	17	10	16	8	33	27
2. Конформность	59	67	58	80	64	85	51	28
3. По рациональным причинам	25	8	25	10	18	8	12	52

Что касается небольшой выборки 2017 г. из Чебоксар, то большинство ответов на этот и другие вопросы так лаконичны, что определенную картину

составить трудно. Качественный анализ полученных ответов на вопросы анкеты, фактически, ровесников новой России позволяет отметить следующее.

Область права не вызывает у них интереса. Главная тема, которая повторяется в ответах, говорит о потребности в защите (в некоторых случаях – и от государства). В 90% ответах о правах человека названо право на жизнь, например: «Право на защиту себя и своего дома» (м., 21г.). В благополучном, как мы теперь понимаем, СССР студенты ни разу не подняли эту тему. Говорили о праве на труд, учебу, лечение. А в лихие 1990-е они начали приводить примеры оправданности мести, совершенно не свойственной российскому менталитету. Пример связи закона и морали в 2017 г. только один – в ответе на вопрос 5 (о справедливом законе): «Созданный человеком закон, который соответствует моральным законам» (м., 21г.). И неожиданно для нас резко возросла доля отрицательных ответов на вопрос о возможности нарушения закона (см. табл. 3).

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос 15 («Может ли человек нарушить закон и быть правым?») (в %).

Уровни / страны	Япония	Греция	Дания	Индия	Италия	США	Россия 1989	Россия 2001-2002	Россия 2017
1 (нельзя)	29	52	42	47	23	18	15	13	52,5
2(при экстремальных условиях)	36	18	44	30	17	64	39	37	27,5
3(по высшим этическим принципам)	20	18	9	22	38	15	36	50	5
Нет ответа									15

В каждом временном срезе было обнаружено следующее: общее количество лиц, утверждающих, что закон *нельзя нарушать ни при каких обстоятельствах*, колеблется от 10 и более % от общего числа отвечающих. Как

видно из таблицы 2, в 1989 г. это было 15%, в 2001-02гг. – 13%, 2017 – 52,5%. Кроме того, по данным нашего исследования 1993-96 гг., 10% отвечавших сказали, что закон нарушать нельзя, мотивируя это нравственными причинами. Мы высказали предположение о некоторой *личностной инварианте* (т.е. личностном типе) такого отношения к закону. Хотя результаты 2017 г. не подтверждают, но и не опровергают этот вывод.

Для того, чтобы правило четко усвоилось, оно должно выступать в период развития человека как неизменное. Затем на этом незыблемом основании уже можно, по мере когнитивного развития, начинать обсуждение возможных нюансов для уточнения, корректирования и даже изменения правила.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях России на протяжении ее тысячелетней истории неизменным в сознании людей оставался *нравственный закон*, представление о неизбежности наказания за преступление нравственных заповедей (на этом знании построена вся великая русская литература). Внимание к юридическому закону в общественном сознании зародилось после реформы 1861 г. и ослабло после 1917 г. из-за репрессивной политики молодого государства.

В новом тысячелетии ситуация меняется и пока не очень понятно, в какую сторону. Очевидна только заметная разница между ответами студентов в 1989 и в 2017 гг. Незнание своих конституционных прав и доверие советскому государству сменилось тревогой, потребностью в защите и стремлением к сохранению законов (при таком же их незнании, как и в советский период). Результаты по исследовательским срезам начала 1990-х и начала 2000-х говорят о столкновениях, иногда болезненных, с фактами влияния закона или его неисполнения на повседневную жизнь граждан и о сохранении ориентации на *нравственный закон*.

Затруднительно делать определенные выводы при сравнении данных, полученных в разные периоды (хотя и в одной стране и на аналогичной по составу выборке). Однако методика Тапп, с нашей точки зрения, позволяет

осуществить некоторый мониторинг происшедших изменений в представлениях наших сограждан о праве и законе. Исследования на молодежных выборках позволяют строить прогнозы будущих изменений соотношения правового и морального сознания граждан.

Учитывая специфику российского менталитета, методика нуждается в коррекции: сокращении некоторых неинформативных вопросов и дополнении вопросами, способными вызвать интерес к ним наших респондентов и их развернутые ответы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абульханова К.А. Социальные представления личности // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч.3. Социальные представления и мышление личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. С. 92-93.

Борисова Н.В. Отечественная психология о духовных основах правосознания личности // Наука. Культура. Общество. 2017. № 2. С. 18-31.

Брушлинский А.В. Мышление и прогнозирование. М.: Мысль, 1979.

Будилова Е.А. Социально-психологические проблемы в русской науке. М.: Наука, 1983.

Воловикова М.И. Представления русских о нравственном идеале. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.

Воловикова М.И., Гренкова Л.Л., Морскова А. Утверждение через отрицание // Российский менталитет (психология личности, сознание, социальные представления). М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996. С. 86-98.

Гостев А.А., Борисова Н.В. Психологические идеи в творческом наследии И.А. Ильина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Громыко М.М. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991.

Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / Отв. ред. А.Б.

Купрейченко, И.В. Мерсиянова. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2013.

Ильин И.А. О русской идее // Русская идея. М.: Республика, 1992. С. 438-439.

Ильин И.А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993.

Ильин И.А. Основы государственного устройства: проект Основного Закона

Российской Империи, составление, предисловие и примечания Ю.Т.

Лисицы. М.: Рарогъ, 1996.

Историогенез и современное состояние российского менталитета. Выпуск 2 /

Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Е.Н. Холондович. М.: Изд-во

«Институт психологии РАН», 2016.

Китова Д.А. Экономические условия жизнедеятельности и факторы коррупции

в экономическом сознании старшеклассников [Электронный ресурс] //

Институт психологии Российской академии наук. Социальная и

экономическая психология. 2016. Том 1. № 3. С. 144-173. URL: [http://soc-](http://soc-econom-psychology.ru/)

[econom-psychology.ru/](http://soc-econom-psychology.ru/) (дата обращения 23.10.2017 г.).

Кольцова В.А., Журавлев А.Л. Сущностные характеристики и факторы

формирования российского менталитета // Психологический журнал. 2017. Т.

38. № 3. С. 5-17.

Николаева О.П. Морально-правовые суждения и проблема развития морального

сознания в разных культурах: Дисс. ...канд. психол. наук. М.: Институт

психологии РАН, 1992.

Нравственность современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев,

А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.

Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. ред. А.Л.

Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.

Психологические исследования нравственности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В.

Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.

Психология: Учебник для технических вузов /Под ред. В.Н.Дружинина. СПб.: Питер, 2000.

Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.

Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Отв. ред. В.С. Степин. М.: Наука, 2007.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. В 2-х тт. М.: Наука, 1989.

Русские / Отв. ред. В.А. Александров, Н.В. Власова, Н.С. Полищук. М.: Наука, 1997.

РЭМ, фонд №7.

Славская А.Н. Личностная интерпретация правовых отношений в контексте российского менталитета //Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 6. С. 12-20.

Современная социальная реальность России и государственное управление: социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году. В 2-х т. Том 1. М.: ИСПИ РАН, 2014.

Соснин В.А., Журавлев А.Л., Красников М.А. Социальная психология: Учебное пособие для студентов вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ФОРУМ; ИНФРА-М, 2014.

Социальная психология: Учебное пособие для вузов / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: ПЕР СЭ, 2002.

Стрижов Е.Ю. Нравственно-правовая надежность личности: Социально-психологические аспекты. Тамбов: ИД ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009.

Юревич А.В. Психология социальных явлений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.

Юревич А.В., Журавлев А.Л. Проблема нравственности в психологической науке // Психология нравственности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 5-12.

Kohlberg L. Moral stages and moralisation. //Moral development and behaviour. Holt, Rinehart & Winston. 1976. P.31-53.

Tapp J. Legal socialization across age, culture, and context: psychological and legal justice systems. N.Y. 1987.

Tapp J.L., Kohlberg L. Developing senses of law and legal justice //Law, justice and the individual in society. N.Y., 1977. P. 89-105.

THE DYNAMICS OF MORAL-LEGAL CONCEPTS OF RUSSIAN STUDENTS (1989-2017)**

M.I. Volovikova*

*Sc. D. (psychology), professor, the main research officer, laboratory of psychology of personality, Federal State-Financed Establishment of Science, Institute of Psychology, Russian Academy of Science; 13/1 Yaroslavskaya str.; e-mail: margarita-volovikova@ya.ru.

Summary. The results of the empirical research of dynamics of moral and legal representations of the Russian studying youth during the period from 1989 to 2017 presented. The research objective consisted in identification of features of legal socialization of the studying youth in modern Russia. Comparison of the data obtained with application of a technique Tapp in four empirical "cuts" with intervals in several years (1989, 1993-1994, 2001-2002 and 2017), allowed to observe dynamics of change of moral and legal representations of youth almost in 30 years during which occurred: disintegration of the state of USSR, transformation of a social order, painful formation of new Russia.

** The work is executed at financial support of Russian Scientific Foundation, project № 14-18-03271.

The selection made by 300 students of Kursk, Moscow, Smolensk, and Cheboksary. The conclusion on differences between answers of students in 1989 and 2017 drawn. Ignorance of the constitutional rights and trust to the Soviet state at the end of the Soviet period replaced by alarm, the need for protection and aspiration to saving laws presently (at their same ignorance, as well as during the Soviet time). Results on research cuts of the beginning of the 1990th also began the 2000th speak about collisions, sometimes painful, with the facts of the influence of the law or its non-execution on the everyday life of citizens and about the steady preservation of orientation of respondents to the moral law. Studies on youth selections allow building forecasts of future changes in a ratio of legal and moral consciousness of citizens.

Key words: social psychology, morality, law, conscience, the Russian mentality, Orthodoxy, legal consciousness, ideas, the historical background, the dynamics, the Soviet period, young people.